

Наследие историка и человека

Автор: С. И. ЛУЧИЦКАЯ

5 августа исполняется год со дня кончины выдающегося отечественного историка Арона Яковлевича Гуревича. Судьба этого человека, который не только для многих специалистов, но и для широкого круга людей, интересующихся историей, был и остается авторитетнейшим отечественным историком, необычайно драматична. В советский период он твердо занимал собственную исследовательскую позицию, подвергаясь непрерывным нападениям со стороны официальной исторической науки. Несмотря на гонения партийных кругов и остракизм со стороны советской академической историографии, А. Гуревич создал классические труды по общим проблемам европейского Средневековья, истории средневековой культуры, различным темам прошлого скандинавских стран. В постсоветский период "прохладное" отношение российской академической науки к Арону Яковлевичу сохранилось, но приход научной свободы позволил ему высказывать свои взгляды и публиковать научные труды беспрепятственно. Наконец-то он смог создать собственную научную школу, тесно сотрудничать с зарубежными коллегами. Нам дороги не только научные достижения Арона Яковлевича, но и либерально-демократические идеалы, подлинно гуманистическая позиция этого выдающегося ученого и человека.

Мы предлагаем Вашему вниманию статью об Ароне Яковлевиче, написанную С. И. Лучицкой, а также одну из последних теоретико-мировоззренческих статей самого Гуревича (опубликованную в книге "Проблемы исторического познания". М., 1999), которая звучит как его научное завещание.

Великий историк Арон Яковлевич Гуревич ушел из жизни на 83-м году. Им написано более 500 научных работ, в том числе 15 монографий, переведенных на десятки языков мира. Он был, пожалуй, самым известным отечественным историком второй половины XX в. не только в России, но и за ее пределами. Научные заслуги А. Гуревича отмечены его избранием во многие европейские академии наук. Он - действительный член Королевского общества историков Великобритании, Королевской академии наук Бельгии, Королевской академии наук Нидерландов, Королевского Норвежского общества ученых, Американской академии медиевистов, Европейской академии, доктор *honoris causa* Лундского (Швеция) и Познанского (Польша) университетов.

Но внешними показателями вклад Гуревича в науку не измерить. Невозможно переоценить ту роль, которую труды ученого сыграли в драматичной трансформации гуманитарной мысли второй половины XX в., в обновлении исторической науки в мире и в нашей стране. С творчеством Арона Яковлевича связан настоящий "коперниканский" переворот в развитии мировой исторической науки XX в., который привел к возникновению новой дисциплины - исторической антропологии.

Круг интересов Гуревича был чрезвычайно широк - социальная история Норвегии, древнеисландская и древненорвежская культура, культура феодальной Европы, народ-

Лучицкая Светлана Игоревна - доктор исторических наук, заведующая Центром культурной и исторической антропологии Института всеобщей истории РАН.

ная культура Средневековья, проблемы методологии и современной историографии, прежде всего французской школы "Анналов". Творческое наследие историка чрезвычайно богато и разнообразно, и в небольшом очерке трудно, почти невозможно полностью осветить даже какой-то один из аспектов его многогранной научной деятельности. И в то же время все перечисленные разнообразные темы его исследований взаимосвязаны и взаимообусловлены, комплекс созданных им трудов отличает удивительная целостность. Я попытаюсь продемонстрировать внутреннее единство научной тематики Гуревича, но для этого мне кажется крайне важным показать ту роль, которую играла в творческом поиске историка его личность.

Арон Яковлевич принадлежал к тому исключительно редкому у нас типу ученого, проблематика исследований которого во многом определялась его гражданской позицией; его нравственные и социальные принципы были тесно переплетены с научными взглядами. Еще будучи аспирантом, Гуревич оказался свидетелем настоящих "боев за историю" - борьбы против "безродных космополитов", которая привела к уничтожению многих научных школ в нашей стране. Ученик "патриархов" отечественной медиевистики - А. Неусыхина и Е. Косминского - А. Гуревич начал как историк-аграрник, исследователь социально-экономической истории Англии и, невзирая на издержки и перекосы советской историографии, продолжил лучшие традиции российской исторической науки. Уже на достаточно раннем этапе научных поисков сложился круг проблем, которые будут интересовать ученого на протяжении всей творческой жизни. Так, работая над кандидатской диссертацией по социальной истории раннесредневековой Англии, Гуревич вскоре убедился, что принятая в советской историографии схема генезиса феодализма, согласно которой феодальные отношения складывались в результате разорения свободных общинников и их закабаления крупными землевладельцами, не подтверждается скрупулезно изученными им древнеанглийскими источниками. В Англии, где, по выражению английского историка Ф. Мэтланда, "маноры спускались сверху", формирование феодальной собственности происходило не вследствие внутреннего расслоения свободной общины, а путем передачи королем власти над населением определенных территорий - духовенству, монастырям и служилым людям. Уже тогда, на стадии работы над кандидатской диссертацией, эти первые наблюдения заставили молодого историка задуматься о роли внеэкономических факторов.

Заинтересовавшись недостаточно изученными формами собственности в Англии, Гуревич решил уяснить суть явлений, сравнив их с более архаичными древнескандинавскими социальными институтами. Этот поворот в профессиональных интересах сыграл судьбоносную роль в его научной биографии. Поначалу историк стремился анализировать прежде всего памятники скандинавского права. Оказалось же, что исследуемые им социальные институты могут быть поняты только в качестве компонента несравненно более широкого комплекса общественных связей и представлений средневековых скандинавов. Постепенно Гуревич пришел к выводу о том, что при изучении форм собственности средневековой Норвегии нельзя ограничиться лишь анализом записей права, но совершенно необходимо привлекать богатейшие нарративные памятники. Исследователь социальных отношений в Норвегии обязан обратиться к сагам, к поэзии скальдов, песням "Старшей Эдды", и пр. Встав на этот путь, Арон Яковлевич, по его словам, был потрясен богатством открывшегося перед ним материала. На традиционные вопросы, связанные с анализом форм собственности и эксплуатации крестьян, экзотические скандинавские источники чаще всего не давали ответа. Но зато вставали другие, совершенно непривычные для традиционной практики историка вопросы, касавшиеся мирозерцания и религиозных верований людей. Стало ясно, что невозможно разобраться в отношениях собственности раннего Средневековья вне контекста мировидения людей той эпохи.

Как явствовало из скандинавских источников, социальные связи не исчерпывались только материальной, вещной стороной, но всецело определялись *личными* отношениями, строились на принципе взаимности прав и обязанностей, были эмоционально насыщены, пронизаны магией. Поняв это, Гуревич не мог не обратить особое внимание на

обмен дарами в общественной практике древних скандинавов. Он обнаружил, что эта система - тотальный, глобальный факт: она пронизывала все сферы социальной жизни скандинавов и касалась не только институтов собственности и богатства, но и взаимоотношений древних скандинавов с богами, принципов кровной мести, и т.д. В этой связи Гуревич открыл для себя труды датского ученого В. Гренбека и французского исследователя М. Мосса. Как уже говорилось, Арон Яковлевич собирался лишь на время "переместиться" на Скандинавский полуостров с тем, чтобы лучше разобраться в истории раннесредневековой Англии. Однако скандинавские штудии открыли неожиданные и заманчивые перспективы. Перед взором ученого предстал удивительный и необычный мир древнескандинавской архаики: в этом обществе, как выяснилось, социальные и природные миры не расчленены, а привычное для историка разграничение между культурой и социальной структурой не работает. Само понятие "культура" насыщалось новым, антропологическим смыслом. Не случайно на этом этапе своего творческого пути Гуревич обратился к трудам этнологов: отныне он стал изучать социальную историю с совершенно иных, чем прежде, познавательных позиций.

Конечно же, для исследования не изученных ранее пластов средневекового общества потребны были другие методы. Неудивительно, что обращение к новому материалу сопровождалось в научной "Одиссее" Гуревича ревизией представлений о самом предмете истории. В то время он написал статьи о проблеме исторического факта, об исторической закономерности, социальной психологии, и др. Методологические поиски ученого удачно совпали со временем "оттепели" 1950-х - начала 1960-х гг. - в России в этот период шли оживленные дискуссии по вопросам исторической гносеологии, и вне этого интеллектуального климата его собственные искания были бы невозможны. Огромное освобождающее воздействие имели на Гуревича труды М. Бахтина. Немного позже, в начале 1970-х гг., когда в отечественной гуманистике сложилась новая ситуация, историк познакомился и с трудами семиотиков московско-тартуской школы, чтение которых убедило его в правильности выбранного им пути.

Работы Гуревича органично вписывались в процесс обновления тематики гуманитарных наук, происходивший одновременно в нашей стране и за рубежом: именно тогда формировалась "новая историческая наука". Арон Яковлевич внимательно изучал творческий опыт ведущих представителей школы "Анналов", но его собственный исследовательский подход был принципиально иным. Французские коллеги, работавшие над теми же историко-антропологическими проблемами, сосредоточивали свое внимание преимущественно на памятниках романизованных регионов Европы, тем самым ограничивая поле своих наблюдений. Знакомство со скандинавской спецификой дало Арону Яковлевичу несколько иную познавательную перспективу. Ему удалось соединить свои знания медиевиста с конкретной исследовательской методикой работы над скандинавским материалом. Это придало его работам особый интерес в глазах французских коллег, у которых почти никакой скандинавистской традиции не было.

К тому же Гуревич не ограничился освоением методологических подходов знаменитой французской исследовательской школы. Важнейшей вехой на пути его духовного развития стало освоение эпистемологических позиций М. Вебера, Г. Риккерта, В. Виндельбанда и иных мыслителей неокантианского толка. Сближение этих двух редко сравниваемых и, казалось бы, совершенно разобщенных направлений европейской мысли породило в его сознании ту вспышку, которая в итоге сделала возможным создание в начале 1970-х гг. двух судьбоносных для исторической науки книг. Речь идет о трудах "Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе" и "Категории средневековой культуры".

В книге "Проблемы генезиса феодализма" (1970) Гуревич, по существу, поставил под сомнение господствовавшее в советской историографии учение о феодальном способе производства. В извращенной познавательной ситуации, господствовавшей в советской медиевистике, придававшей всепроникающее значение экономическому фактору, ученый осмелился высказать мысль о том, что именно ментальные структуры определяют социальные и экономические условия жизни людей. Этот труд стал неким

промежуточным итогом его занятий аграрной историей Англии и Скандинавии и первым монографическим опытом историко-антропологического исследования в нашей стране.

Социальное и культурное, материальное и идеальное начала предстали в книге не в их разобщенности, но в рамках некоего сложного синтеза. В очень упрощенном виде концепцию феодализма, предложенную историком, можно представить следующим образом. В варварском обществе социальный и природный миры, как показал Гуревич, не были расчленены. Социальная среда была погружена в природную, в аграрный цикл варваров, в мир магико-религиозных ритуалов и обычаев. В этом архаическом обществе существовала совершенно иная и поразительно целостная система связей между людьми. Отношения по поводу собственности оказывались производными этой целостной системы. В основании феодализма, по мысли Арона Яковлевича, - не чисто экономические связи, а межличностные отношения, которые много древнее вещных и никак не могут быть к ним сведены. В вещных отношениях можно распознать фетишизированную форму все тех же межличностных отношений. Следуя этой исследовательской логике, надлежало перейти от анализа отношений собственности - к анализу системы связей индивида и общества. Эта система, с точки зрения историка, немислима вне определенной суммы представлений, обычаев, мировосприятия. В своей книге Гуревич рассматривал совершенно новые и необычные способы включения в социальное целое, изучал их под углом зрения "обычая и ритуала", "человека и социальной группы", и пр. В результате привычные для историков понятия - "собственность", "богатство", "свобода", "государство", и пр. - переосмыслились в совершенно новом историко-антропологическом ключе.

Итак, творчески переработав достижения отечественной школы аграрной истории, Гуревич изложил совершенно новый оригинальный взгляд на феодализм и в этом смысле оказался самым талантливым и удачным учеником своих учителей, прежде всего Неусыхина. Эти новые идеи прозвучали как протест против догматизированной науки, представители которой были одержимы поисками социальных антагонизмов и классовой борьбы. Неудивительно, что в то время автора книги объявили "антимарксистом" и "ревизионистом", а его труд, лишенный грифа "учебное пособие", был подвергнут шельмованию.

С книгой о генезисе феодализма очень тесно связана и работа "Категории средневековой культуры" (1972) - замечательный образец исторического синтеза. Автор стремился преодолеть разрыв между трактовкой экономики и осмыслением духовной жизни, показать, что культура и общество в реальности образуют нерасторжимое единство. Продолжая размышлять о культурной истории социального, Арон Яковлевич заинтересовался различными аспектами средневекового мирозерцания - в фокусе его исследования оказались представления о времени и пространстве, о природе, о правопорядке, оценка социального целого и его составляющих, интерпретация собственности, богатства и бедности и, наконец, идея человеческой личности, увенчавшая всю эту сложную и многообразную систему. Никогда прежде взгляд на средневековую культуру как некую целостность не был изложен историками столь полно и обстоятельно. Создав "идеальный тип" средневекового общества, Гуревич попытался вдуматься в само содержание понятия "культура". Это понятие было им радикально переосмыслено: под культурой он подразумевал не часть "надстройки", а различные способы восприятия и осмысления социального и духовного, символические системы, налагаемые сознанием на этот мир, а также определяемые ими формы поведения экономического, политического, религиозного, художественного. Таким образом, феномен средневековой культуры был рассмотрен в книге как предмет исторической антропологии.

Неожиданно для самого автора его сочинение вызвало поток рецензий не только в России, но и за ее пределами. Именно оно принесло историку всемирную славу. На Западе книга была воспринята как живое свидетельство тому, что и в условиях господства тоталитарной идеологии, в изоляции от мировой науки может существовать свободная

мысль. Образно говоря, книга Гуревича разрушила глухую стену между гуманитариями Востока и Запада.

"Проблемы генезиса феодализма" и "Категории средневековой культуры" были важнейшими вехами на пути освоения Ароном Яковлевичем исторической фактуры. Ученый немедленно продолжил путешествие по культурному универсуму, написав книги "Проблемы средневековой народной культуры" (1981), "Культура и общество средневековой Европы глазами современников" (1989), "Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства" (1990) и др. Круг вопросов, которые он задавал источникам, значительно расширился. Его стали интересовать такие темы, как соотношение элитарной и народной культуры, восприятие средневековыми простецами смерти, загробного суда и потустороннего мира, их отношение к магии, чуду и святости, к комизму и смеху. Центром всех этих представлений и эмоций является индивид, и не случайно тема человеческой личности на протяжении всей жизни вызывала интерес историка.

Эта тема появилась в творчестве ученого еще на ранних этапах его занятий скандинавской архаикой. Едва приступив к исследованию северных текстов, он понял, что скандинавские, прежде всего исландские, памятники открывают в этом смысле богатейшие возможности. Скандинавист в состоянии пробиться к более глубоким пластам человеческого сознания, так как изучаемые им тексты, в отличие от памятников континентальной Европы, не искажены и не мистифицированы церковной латынью. Здесь историка также ожидали удивительные открытия. Скандинавские памятники давали ученому уникальную возможность изучать человеческую личность. По нарративным памятникам Исландии можно было исследовать религиозное мирозерцание, систему ценностей древних скандинавов, комплекс их представлений о мироустройстве и судьбе человека. Гуревич обнаружил, что исландские поэты - скальды дохристианского времени - заявляли о своем "Я" более решительно, чем поэты и писатели континента. В памятниках исландской литературы, как показал ученый, отражена идея утверждения личности, признания активности человеческого начала и ценности человеческого опыта. В этой связи он даже говорил о такой черте древних германцев, как "архаический индивидуализм".

В своих трудах на эту тему Гуревич упорно преодолевал элитарный и эволюционистский подход к личности. Изучая индивида, историк интересовался не только автобиографиями и исповедями выдающихся авторов, но пытался обнаружить черты личностного самосознания в толще общества. Его героями были Августин, Данте, Петрарка, но также и норвежские бонды, немецкие и французские крестьяне. И это не случайно: сюжеты, связанные с проблематикой индивида, возникли в творчестве Гуревича в результате многолетних занятий аграрной историей, народной культурой. Совершенно справедливо немецкая исследовательница Л. Шольце-Иррлиц видит в таком внимании к простонародью влияние русской интеллигентской традиции.

Арон Яковлевич не разделял точку зрения своих оппонентов (К. Морриса, Л. Баткина и др.), согласно которой личность возникла в какой-то момент истории - будь то XII в. или эпоха Возрождения. На материале разнообразных средневековых источников - исландских саг, проповедей, рыцарских романов и других произведений средневековой литературы, исповедей, видений, *exempla*, ученый убедительно показал, что история человеческой личности представляет собой в высшей степени противоречивый процесс. Не соглашаясь с мнением, что "открытие человека" состоялось лишь на излете Возрождения, Гуревич подчеркивал, что личность существовала всегда - специфичны лишь черты, отличающие личность древних скандинавов от ренессансной личности.

Тема индивида органично вписывается в проблематику исследований Гуревича, занимая в ней, пожалуй, центральное место: в истории его интересовала прежде всего деятельность *человеческой* личности, раскрытие *человеческого* содержания истории. Потому он и стал основателем новой науки - науки о Человеке, исторической антропологии, новой отрасли гуманитарного знания. Примечательно, что венцом исследований истории человеческой личности стала собственная биография ученого - "История историка" (2004).

На протяжении всей жизни Гуревич проявлял огромный интерес к вопросам исторической гносеологии, и это внимание к методу историка - одно из слагаемых его успеха. Ему были в высшей степени присущи постоянная рефлексия о предмете исторического исследования, напряженные размышления над собственным понятийным аппаратом. Не случайно историография и эпистемология, теория исторического познания были важнейшими темами его творчества. Им написаны известная монография "Исторический синтез и школа "Анналов"" (1993), удостоенная премии им. Н. Кареева, яркие статьи о методе исторической науки.

Как ни парадоксально, в России Арон Яковлевич был больше известен за пределами своего профессионального цеха. Он неустанно повторял, что историк не должен замыкаться в "башне из слоновой кости". В своем творчестве Гуревич адресовался к весьма широкому кругу интеллектуалов, он вовлекал читателя в диалог между средневековой культурой и современностью. В нашей стране научный и общественный резонанс его трудов был огромным, поскольку они оказались весьма важными для освобождения отечественных гуманитариев от влияния догматов и стереотипов. Примечательны даже названия его книг - "*Свободное* крестьянство феодальной Норвегии" (1967), "*Индивид* и социум на средневековом Западе" (2005) (курсив мой. - С. Л.).

На гребне перестройки как активный гражданин он не остался в стороне от коллизий общественной жизни и использовал этот редкий шанс, предоставленный историей. Гуревич со своими соратниками создал альманах "Одиссей. Человек в истории" (при его жизни вышло 18 выпусков, 1989 - 2006), играющий важнейшую роль в обновлении системы исторического знания в нашей стране, в гражданском воспитании общества. "Одиссей" действительно изменил ситуацию в отечественной исторической науке, как в свое время изменили ее труды Гуревича. В последние годы, рискуя вызвать непонимание коллег, он спешил написать обо всем пережитом, рассказать правду о прошлом нашей науки, прекрасно понимая, что новый "ренессанс", наступивший в нашей стране, может так же легко захлебнуться, как захлебнулась хрущевская "оттепель".

Биография Гуревича дает много информации для размышлений на тему "Историк и власть". Судьба наносила ему много ударов. В период борьбы против космополитизма его несколько раз исключали из аспирантуры, в эпоху "застоя" он из-за своих научных взглядов долгое время не мог устроиться на работу в Москве, перед ним закрывались двери научных учреждений, его шельмовали партийные и научные начальники. Но *вопреки* всему он состоялся как ученый, и его научная судьба оказалась на редкость счастливой и удачной. Он часто говорил, что творческая свобода зависит от характера ученого и способности противостоять нажиму. И его собственная жизнь - яркое подтверждение этого тезиса. Творческий путь Гуревича свидетельствует о том, насколько важен для самоопределения историка нравственный выбор. Это удивительно цельная личность.

Есть еще одно слагаемое успеха Гуревича. Его талант возрос на отечественной почве, ученый был преемником славных традиций российской аграрной школы, ибо его всегда интересовала духовная жизнь крестьянства. Его творчество многими нитями связано с культурной и социальной ситуацией в России. Гуревич был глубоко убежден, что именно "позиция вненаходимости" (говоря бахтинским языком) определяет оригинальность взгляда русского историка на западноевропейское средневековье. Возможно, именно поэтому ему удалось создать целостный взгляд на средневековое общество.

Работая в труднейших условиях, Арон Яковлевич не принимал настойчивых приглашений покинуть нашу страну, осознавая свою причастность судьбам отечественной гуманистики. Он много говорил и писал о моральной ответственности историка (двойкой ответственности - и перед современностью, и перед людьми, канувшими в Лету) и был глубоко убежден, что гуманитарная наука должна прежде всего воспитывать.